
Святой
Грешник
Девушка брата
18+
Рокси Нокс

Рокси Нокс

Святой Грешник. Девушка брата

https://litres.ru/74939508
SelfPub; 2026

Аннотация

«Не возжелай жену ближнего твоего»

Я вызубрил священные заповеди наизусть. Десять лет хранил обет целомудрия и держал плоть в железных рукавицах. Мой мир был чист, строг и предсказуем, пока однажды утром в квартире беспутного брата я не наткнулся на неё.

Голубое кружево на загорелой коже, испуганные дерзкие глаза и кухонное полотенце, едва прикрывающее то, на что я не имел права смотреть.

Анастасия — девушка моего младшего брата.

И с того самого утра мой рассудок отравлен. Я должен молиться за нее, но вместо этого представляю, как срываю с нее платье прямо у алтаря. Она думает, что я святой. Но ради нее я готов превратиться в грешника...

Осторожно! Высокий градус чувственности, запретная любовь на грани приличий и нервов. Эмоциональные качели.

Герой старше, сдержанный и опасный в своей праведности.

Много сюжетных артов внутри.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 14
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Рокси Нокс
Святой Грешник. Девушка брата

Глава 1

Знай я заранее, что ровно через семь секунд встречу любовь всей своей жизни — самого красивого и абсолютно недоступного мужчину на свете, я бы накинула хотя бы халат. Или футболку Джастина. Да хоть фартук!

Но вчера я осталась у него с ночевкой, а сегодня с энтузиазмом примеряла на себя роль заботливой девушки, пока Джас наматывал утренние круги в городском парке.

На мне не было ничего, кроме комплекта нежно-голубого кружева. Я купила его накануне специально для нашего свидания — после большого перерыва в отношениях мне отчаянно хотелось праздника.

Надо признать, белье оправдало ожидания: прошлой ночью Джастин буквально с ума сходил по мне и не мог отвести голодных глаз.

Из прихожей донеслись глухие шаги. Я довольно улыбнулась, ловко подцепила деревянной лопаткой пышный омлет с томатами и перевернула его на сковороде. Убавила мощ-

ность индукционной панели — не хватало еще спалить кулинарный шедевр. У меня был идеальный план: произвести неизгладимое впечатление образцовой хозяйки и одновременно сексуальной кошечки.

— Джас, ты уже вернулся?

Шаги мягко зашуршали по ламинату коридора, приближаясь к кухонному проему. Я щелкнула сенсором плиты, с кокетливой улыбкой крутанулась на пятках и… замерла с открытым ртом. Воздух с сипом вырвался из легких.

Передо мной стоял мужчина. И это был черт возьми вовсе не запыхавшийся, мокрый от пота Джастин!

Он был высоким — шире в плечах, крупнее и мощнее Джастина. Идеально выглаженная угольно-черная рубашка, строгие темные брюки, начищенные до блеска туфли. Черные, чуть вьющиеся волосы и пронзительные, невероятно яркие синие глаза.

Черты лица были скульптурными, точеными, с четко очерченными скулами и губами.

Он смотрел на меня в упор. Ошеломленно. Неподвижно.

Я застыла, парализованная его взглядом, и кровь оглушительно застучала в висках. Господи, кто этот мужчина и чьей квартирой он ошибся?!

Мой панический взгляд скользнул по его шее вниз и тут же споткнулся о жесткий белый пластиковый прямоугольник на воротнике-стойке.

Колоратка.

Мое сердце сорвалось в бездну и рассыпалось там на мелкие осколки.

Я стояла посреди кухни практически голая — в крошечных прозрачных стрингах и тонком кружевном бюстгальтере с пуш-апом — перед католическим священником.

К такому повороту судьбы жизнь меня явно не готовила.

Паника накрыла с головой. Судорожным рывком я сорвала с крючка льняное вафельное полотенце. В голове в доли секунды разразилась настоящая война: что, черт подери, прикрывать?! Верх или низ?! Крошечная тряпка размером тридцать на тридцать не оставляла шансов на компромисс. Я панически впечатала полотенце в бедра — все-таки зона бикини казалась более критичной для святого человека.

Святой отец, впрочем, за все это время не сделал и шага назад.

— Прошу прощения, я… — он шумно прочистил горло.

Его низкий, глубокий голос прошелся по моей обнаженной коже мелкой дрожью. И тут я поняла, *куда* именно устремлен его взгляд. Он не смотрел в потолок, не отвернулся благочестиво к стене. Его зрачки расширились, жадно скользя по изгибам моей груди, на которой тонкое кружево не скрывало почти ничего. Кожу обожгло волной невыносимого, парализующего стыда.

Щеки вспыхнули адским пламенем, и я дернула полотенце вверх, прижимая его к груди и выставляя напоказ бедра.

Священник медленно поднял глаза, и наши взгляды скре-

стились. На дне его синих радужек полыхнула такая неприкрытая, суровая и одновременно растерянная мужская эмоция, что у меня подкосились колени.

Он явно забыл, кто он, зачем сюда пришел и что вообще собирался сказать. Тишина между нами звенела и плавилась, как раскаленный провод.

Щелкнул дверной замок. Хлопнула входная дверь.

— Ана, малышка, я дома! Сразу бегу в душ, взмок как собака! — бодро гаркнул Джастин из прихожей.

— Джастин! — тонко, почти срываясь на визг, вскрикнула я, не в силах разорвать гипнотический контакт глаз с незнакомцем. — Тут… к тебе!..

Священник вздрогнул, словно очнулся от дурного наваждения, с видимым физическим усилием оторвал взгляд от моего лица и стремительно отступил в коридор.

— Джас, извини, что без звонка, — его голос прозвучал заметно хрипло, выдавая внутреннюю бурю. — У меня срочное дело.

— О-о, Лем! — радостно отозвался Джастин, послышался звук брошенных на пол кроссовок. — Здорово, братишка! Вот это сюрприз. Ты уже познакомился с моей девушкой?

Братишка?!

У моего непутевого парня брат — священник?! Земля окончательно ушла у меня из-под ног.

— Нет, — сдержанно и глухо отчеканил священник. В его интонациях прорезался ледяной холод: — Но если твоя де-

вушка соизволит одеться, я с радостью с ней познакомлюсь.

Унижение обожгло до слез. «Соизволит одеться»! Я сжала несчастное полотенце так, что побелели костяшки. Чувствовала себя последней уличной девкой, застигнутой с поличным. Стыд перед незнакомцем был ужасен, но стыд перед пастором умножался на тысячу.

В дверях кухни показалась взъерошенная голова Джастина. Он окинул взглядом мою пунцовую физиономию, трясущиеся плечи и маленькое полотенце, затем беззаботно ухмыльнулся и ободряюще подмигнул. Мол, расслабься, детка, все свои.

Хотела бы я разделить его дурацкий оптимизм! Что теперь этот мрачный святоша подумает о подружке своего младшего брата? Что Джастин привел домой потаскушку из бара? Хоть бы они оказались какими-нибудь троюродными! И пусть этот Лем исчезнет прямо сейчас, чтобы мне никогда больше в жизни не пришлось смотреть ему в глаза!

— Погоди секунду, Лем, сейчас вернусь, — крикнул Джас в коридор, юркнул в спальню и через мгновение принес мне трикотажное летнее платье.

Но вместо того чтобы просто отдать одежду, он шагнул вплотную, собственнически обнял меня за талию и влажно впился в мои губы поцелуем.

— М-м… Джастин, перестань! — я уперлась ладонями ему в грудь и с силой оттолкнула его, бросив испуганный взгляд на дверь. — Прекрати! Там же твой брат! Он священ-

ник!

— Да брось, — легкомысленно отмахнулся Джас, блеснув белозубой улыбкой. — Все нормально, малышка. Лему девушки в белье не интересны. У него целибат, обеты и все такое.

«Не интересны, значит?» — мысленно прошипела я.

Тогда почему этот святой отец не закрыл глаза в первую же секунду? Почему застыл в дверях, как вкопанный, жадно разглядывая мои ключицы и грудь? Ладно. Спишем на внезапность и шок. Любой бы растерялся.

Джастин ушел в гостиную, а я торопливо, путаясь в рукавах, натянула платье. Ткань тут же прилипла к разгоряченному телу.

На автомате разложила омлет по трем тарелкам — благо яиц бухнула щедрой рукой, хватит на всех. Пальцами кое-как пригладила растрепанные волосы, сделала глубокий вдох, пытаясь унять предательскую дрожь в коленях. Надо позвать их к столу.

В гостиной раздался приглушенный мужской разговор. Стоило мне переступить порог, как слова оборвались, и оба оценивающе уставились на меня.

— Завтрак готов, — выдавила я, натягивая на лицо самую благовоспитанную улыбку, на какую была способна. Получилось жалко. После утреннего стриптиза строить из себя невинную овечку было уже поздно.

— Позавтракаешь с нами, брат? — миролюбиво предло-

жил Джастин, развалившись на диване в спортивных шортах.

— Нет, мне пора. Меня ждут в приходе, — Лем поднялся из кресла.

Вблизи он казался еще более монументальным. Черная ткань рубашки идеально обтягивала широкие плечи и мускулистую грудь — фигура у него была отнюдь не затворническая.

— Лем, постой, познакомься нормально. Это Анастасия. Ана, это мой старший брат, отец Лемюэль Мелтон, — представил Джас.

Надежда на их дальнее родство разбилась к черту. Они родные братья, ведь Джастин тоже Мелтон.

— Очень приятно, святой отец, — пробормотала я и сама не заметила, как испуганно спрятала сцепленные ладони за спину.

Лемюэль не пропустил этот жест. Его темные брови сошлись к переносице. Он окинул меня долгим, леденящим взглядом сверху вниз. В его позе сквозило высокомерие и абсолютная, железобетонная сдержанность.

— Джастин ничего не рассказывал мне о вас, — произнесла я.

— Мне о вас тоже, — парировал он в ответ.

Я тут же прикусила губу. Меня задело, что Джастин ни словом не обмолвился обо мне брату. Значит, я для него просто очередная интрижка на пару ночей?

В синих глазах Лемюэля на мгновение мелькнула искра раздражения, но он тут же снова надел маску безупречного пастырского спокойствия и повернулся к брату:

— Так ты придешь помочь?

— Конечно! — Джастин вскочил, по-хозяйски приобнял меня за плечи и крепко прижал к своему боку. — Мы с Аной придем вдвоем. Правда ведь, зайка?

Лемюэль бросил на руку Джастина, лежащую на моем плече, быстрый и странно-колючий взгляд, затем сухо кивнул:

— Жду в субботу к десяти. Не опаздывай. До свидания, Анастасия.

— До свидания… отец Лемюэль.

Джастин пошел провожать брата. Я осталась стоять посреди гостиной, чувствуя, как по спине стекает предательская капля пота. В груди всё трепетало и зудело от странного, взвинченного напряжения. И дело было не только в неловкости ситуации. Этот человек пугал меня. И притягивал с такой сокрушительной силой, что становилось дурно.

Через минуту на кухню весело ввалился Джастин. Уселся за стол, без лишних церемоний сгреб омлет из третьей тарелки прямо в свою и принялся с аппетитом уплетать.

Мой же желудок сжался в тугой узел.

— Джас, почему ты никогда не говорил, что твой родной брат — священник? — накинулась я на него, уперев руки в бока.

Он беспечно пожал плечами, орудуя вилкой:

— А смысл? Мы с ним с разных планет.

— Это заметно.

«С разных планет» — это мягко сказано. Джастин — это рев мотоцикла, потертая косуха, шумные пабы, выпивка и девочки на один уикенд. Лемюэль — обеты, молитвы, черная сутана и железная дисциплина. Было очевидно, что Джас просто чувствует себя неловко рядом со своим безупречным старшим братом, вот и предпочитает молчать.

— И куда конкретно мы должны прийти помогать? — с подозрением спросила я.

— Да ерунда. В собор Святого Адриана.

— В церковь?! — я ошарашенно округлила глаза. — Джастин, ты серьёзно?!

— Не бойся, каяться не заставят, — хохотнул он, набивая рот. — У них там благотворительная ярмарка для детского приюта. Нужны волонтеры, рук вечно не хватает. Я обещал, что мы будем.

— Прекрасно… — процедила я сквозь зубы.

Джас пообещал за меня, а я привыкла сдерживать обещания. Но правда заключалась в том, что меньше всего на свете я сейчас хотела переступать порог церкви и снова встречаться с этими невыносимыми, пронизывающими насквозь синими глазами. Потому что в них я увидела слишком многое — и меньше всего это было похоже на святость…

Глава 2

ЛЕМ

Я захлопнул дверь внедорожника и только тогда позволил себе судорожно, со свистом выдохнуть. Пальцы, вцепившиеся в кожаный руль, мелко подрагивали.

Что это, мать твою, только что было?!

Я сорвал с шеи жесткую пластиковую вставку колоратки — она вдруг показалась удавкой, пережимающей трахею, — и откинулся на подголовник, прикрыв глаза. Сердце колотилось о ребра, как бешеное. В горле пересохло, а по венам гулял обжигающий, абсолютно неуместный адреналин.

Откуда Джастин откопал эту девчонку? И какого дьявола она выбила меня из колеи за какие-то жалкие пять секунд?

Очередная случайная пустышка из ночного клуба. Наверняка перебрала текилы за барной стойкой, сама повисла на шее у смазливого байкера, провела с ним бурную ночь, а к утру уже щеголяет полуголой у плиты, примеряя на себя образ заботливой хозяюшки. Стандартная схема для окружения моего непутевого брата.

Но стоило мне зажмуриться, как тьма перед глазами услужливо нарисовала ее силуэт.

Господи помилуй.

Каждая чертова деталь врезалась в память: гладкая кожа, тонкая талия, мягкий полукруг бедер и две тончайшие по-

лоски нежно-голубой паутины, которые и бельем-то назвать было сложно. А эта высокая, округлая грудь, вздымавшаяся от частого дыхания…

Внизу живота противной, тягучей волной отозвалась горячая тяжесть. Кровь мгновенно прилила к паху.

— Черт… — прошипел сквозь зубы и тут же мысленно осекся. Богохульство.

Я заставил себя выпрямиться, завел мотор и, неистово вдавливая ногти в руль, принялся шепотом читать про себя латинскую молитву. Раз, другой, третий. Слова путались, язык спотыкался, а перед внутренним взором вместо ликов святых стояла эта девчонка с дурацким вафельным полотенцем в руках и полыхающими от стыда щеками.

Надеюсь, в субботу на ярмарку Джастин приедет один. Пусть эта его распутница найдет себе дела поважнее: маникюр, спа-салон или поиски новой жертвы в барах. Видеть ее снова в мои планы точно не входило.

***

Дорога до прихода заняла двадцать минут. Запарковав машину на служебной стоянке позади собора, я вышел на мощеную дорожку и по привычке окинул территорию долгим хозяйским взглядом. Это немного отрезвило.

Собор Святого Адриана был моим домом и моим главным детищем. Старое, монументальное здание из белого камня с небесно-голубой кровлей и строгими готическими арками.

Когда шесть лет назад, в свои двадцать девять, я только

получил назначение настоятелем, приход буквально разваливался: крыша текла, прихожане разбегались. Мне стоило колоссальных трудов, бессонных ночей и выбитых у епархии грантов вернуть этому месту величие.

Взгляд зацепился за молодую, крепкую березу у главного крыльца. Я посадил ее в свой первый день здесь тонким прутиком. Теперь ее ветви шумели под свежим ветром, давая тень.

Порядок. Дисциплина. Чистота.

Вот за что я держался.

— Святой отец! Отец Лемюэль! — из боковых дверей ризницы, кубарем выкатился викарий Антоний.

Его круглые глаза за стеклами очков панически таращились, а редкие русые пряди на макушке растрепались на ветру.

— Дыши глубже, Антоний, — спокойно произнес я, возвращая колоратку на законное место под воротник. — Собор горит? Алтарь осквернен?

— Хуже! — трагическим полушепотом выдохнул мой помощник, нервно дергая полу черной сутаны. — Там… она. Та самая дама ожидает вас.

Я едва сдержал ироничную усмешку. Все было понятно без лишних слов. «Та самая дама» означало явление Луизы Шиллер — богатой шестидесятипятилетней вдовы владельца местной логистической империи и по совместительству моей личной, весьма настойчивой сталкерши.

— Что ж, десять минут моего ангельского терпения — и приходская казна снова пополнится кругленькой суммой, — хмыкнул я, хлопнув викария по узкому плечу. — Переживем.

— Отец Лем, она… сегодня какая-то особенно решительная, — зашептал Антоний, боязливо оглядываясь. — Принесла коробки и сразу потребовала вас!

Луиза стояла у витрины с церковной утварью. От нее разило тяжелым мускусным парфюмом так густо, что даже запах ладана капитулировал. На вдове был надет чересчур приталенный шелковый костюм ядовито-изумрудного цвета, а аккуратно уложенный седой локон кокетливо падал на лоб.

Очередная благодетельница, которая в этот раз решила пожертвовать на ярмарку дорогую брендовую сумку… и, судя по томному блеску подведенных глаз, саму себя. Проблема была лишь в том, что ей перевалило за шестьдесят, а у меня был обет безбрачия.

Друзья юности иногда подшучивали надо мной за кружкой пива: мол, Лем, как здоровый, сильный мужик может больше десяти лет обходиться без секса? Я всегда искренне и с усмешкой отвечал: легко. Человечество слишком переоценивает значение инстинктов. Плоть можно подчинить разуму и вере, если твоя цель выше животных позывов. Я никогда не лез на стену от воздержания.

До сегодняшнего гребаного утра.

Образ тонких кружевных трусиков снова на долю секун-

ды обжег сетчатку, но я с силой захлопнул эту ментальную дверь.

— Здравствуйте, преподобный отец Лемюэль, — нараспев произнесла Луиза, поворачиваясь ко мне. Ее натянутая подтяжками кожа лица сложилась в улыбку.

Ей явно доставляло извращенное удовольствие называть меня так всякий раз.

— Здравствуйте, Луиза, — мой тон мгновенно стал ледяным, безупречно вежливым и непроницаемым. — Простите за задержку. У меня ровно пять минут до подготовки к полуденной службе.

— Мне хватит, святой отец, — она сделала шаг вперед, сокращая дистанцию до непозволительного минимума. — Я привезла вещи для нашей благотворительной ярмарки. Посуду, кое-что из антиквариата и… мою любимую сумку. Она практически новая.

— Приход премного благодарен вам за щедрость. Бог видит ваше усердие и любит вас, — отчеканил дежурную пастырскую формулу, не моргнув и глазом.

— Ах, бросьте… Что мне до Его любви? — Луиза вздохнула, театрально прижав руку с бриллиантовыми перстнями к декольте. — Божья любовь неосязаема. Ее нельзя обнять. Нельзя почувствовать кожей…

— Не стоит вам грешить малодушием, — сказал я, и она осеклась. — Божественную благодать чувствует каждый, чье сердце не зачерствело в гордыне.

— Но я хотела бы почувствовать тепло живого человека… — не унималась вдова, буравя меня голодным взглядом. — Того, кто дорог мне. Но увы… Я уже пожилая женщина. А он… так молод, статен и неприступен.

Она замерла, жадно ожидая от меня привычных утешений: «Что вы, Луиза, вы прекрасны», «Возраст — лишь цифра».

Я молчал. Черта с два она дождется от меня этой игры в поддавки. Я никогда не торговал надеждой — ни с юными прихожанками, ни с увядающими миллионершами. Ни за щедрые чеки, ни даром. Мое служение — это не цирк. Бог — единственное, чему я предан до конца. А те, кто не способен ощутить Его благодать, просто слишком погрязли в собственном эгоизме.

Пауза затянулась, становясь для нее откровенно неловкой.

— Еще раз спасибо за ваш вклад, Луиза, — холодно завершил я экзекуцию, слегка склонив голову.

— Отец Лем… — она нервно прикусила губу, поняв, что штурм провалился. — В следующем месяце, первого числа, у меня юбилей. Я устраиваю закрытый ужин в поместье. Вы же придете благословить мой дом?

— Если позволят дела епархии, — сухо ответил я, не оставляя ни малейшей лазейки. — Но обещать не могу. Прошу меня простить, служба не ждет.

Я развернулся и зашагал по коридору в сторону сакристии, спиной ощущая, как ее обиженный, сверлящий взгляд

прожигает ткань моей рубашки.

В узком проходе меня нагнал Антоний. Его тщедушная фигурка буквально дрожала от любопытства.

— Ну как? — выпалил он шепотом.

— Что «как», Антоний?

— Снова намекала? Снова строила глазки?

— Всё-то тебе нужно знать, — я сдержанно хмыкнул, бросив на викария короткий ироничный взгляд. — Иди лучше проверь, заправлены ли кадила, сыщик.

— Да весь приход знает, что она неровно к вам дышит! — горячо запротестовал он, семеня следом. — Я бы на вашем месте так не смог.

Я с легкой, снисходительной жалостью окинул взглядом своего помощника. Бедному парню стукнуло двадцать девять, но линия волос на его лбу уже стремительно отступала назад, спина сутулилась, а при виде любой симпатичной студентки он начинал заикаться и багроветь до кончиков ушей.

Про такую мелочь, как отсутствие верхней фаланги на левом мизинце — результат неловкого детского знакомства с циркулярной пилой — я и вовсе молчал. Впрочем, алтарником он был исполнительным и верным, за что я его искренне ценил.

— Не переживай, Антоний, — мягко усмехнулся я. — Тебе подобная осада точно не грозит. Господь милостив.

В ризнице я наконец остался один. Подошел к высокому зеркалу в темной дубовой раме.

Привычным жестом снял черную сутану с вешалки. Пальцы методично застегивали длинный ряд мелких пуговиц — сверху донизу. Тридцать три штуки, по числу земных лет Спасителя. Ритуал, который всегда дарил мне покой и броню.

Я вгляделся в собственное отражение. Тридцать пять лет. Резкая морщина между бровей, кажется, залегла еще глубже. Лицо строгое, челюсть сжата, темные волосы чуть тронуты беспорядком после бешеной утренней поездки.

Старею? Возможно.

Я до сих пор не получил сан почетного прелата, хотя заслужил его больше половины ленивых чинуш в курии. Что мне даст этот титул? Фиолетовую окантовку сутаны и сухое обращение «Монсеньор». Ерунда.

Моя истинная цель — епископская митра. Там реальная власть, влияние и возможности менять этот мир.

Я не был слепо тщеславен, нет. Просто всегда презирал стагнацию. Мужчина без великой цели превращается в амёбу. В такого, как мой младший брат.

Джастин…

Я с силой затянул тканевый пояс на талии.

Брат уверял меня, когда я вытаскивал его из спальни, что эта девица — «не шлюха», и что у него с ней «все по-настоящему». Поверил ли я? Ни на йоту. Джас менял девок чаще, чем резину на своем «Харлее». Я тащил его в собор под любыми благовидными предлогами — грузить коробки, на-

тягивать тенты, чинить лавки — лишь бы вырвать из угара баров и дурных компаний. Я пытался спасти его душу, пока он бездарно прожигал жизнь.

Но сегодня…

Перед глазами снова вспыхнуло это утро. Я стоял посреди ризницы, и в груди поднималась душная, темная волна.

Анастасия.

Она ведь чертовски дерзкая. Когда я холодно процедил, что Джастин ничего мне о ней не рассказывал, ее глаза полыхнули настоящим пламенем. Гордая. Задетая за живое. Ни тени раскаяния или смущения, кроме первой вспышки стыда за свою наготу.

То, что Джас до последнего скрывает от своих шлюшек, что его родной брат — католический священник, давно не новость. Он меня стыдится. Наша мать — светская львица до мозга костей — вообще не разговаривает со мной годами, искренне проклиная тот день, когда ее старший сын отказался от семейного бизнеса и надел сутану. Для них я — белая ворона. Юродивый фанатик.

А эта девчонка…

Неожиданный, порочный азарт ударил в кровь. Я поймал себя на том, что *хочу*, чтобы она пришла в субботу на ярмарку.

О, я буквально видел это! Наверняка она нацепит какое-нибудь вызывающее, вульгарное шмотье с декольте до пупка. Явится под своды моего строгого храма со своей вы-

зывающей походкой. И наткнется на стену презрения. Моя консервативная паства сожрёт ее живьем одними только взглядами. Они испепелят ее глазами, и этой наглой девке придется с позором убраться вон из собора.

Туда ей и дорога. Таким, как она, не место в моем чистом храме.

Только законченная потаскуха может стоять утром посреди чужой кухни, сверкая голой задницей и лениво помешивая омлет! Да, на ней были эти проклятые кружевные веревочки, но они не скрывали ничего. Каждая округлость, каждая линия ее бедер…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.